

В словах Синь Су был резон: при имеющихся доказательствах дело, даже если его заберёт городское управление, всё равно вполне могли закрыть за недостаточностью улик — по принципу «сомнения толкуются в пользу обвиняемого».

Не было никакой нужды срочно искать такие деньги только ради того, чтобы заткнуть рот семье потерпевшего.

Синь Су чуть приподнял бровь и сказал:

— На моём месте я бы и правда выбрал решить проблему деньгами. Чтобы потом не осталось лишних хлопот.

Линь Цзайчуань встретился с ним взглядом и понял, что тот имеет в виду.

Синь Су был богатым наследником, а уж с деньгами у него точно не было проблем. Всё, что решалось деньгами, для него проблемой не считалось.

Но обычной семье в Фусю — с учёбой ребёнка, ипотекой и автокредитом — и так непросто что-то откладывать. А тут они разом нашли несколько сотен тысяч. Вот это уже выглядело странно.

Или за этим делом правда скрывалось что-то ещё? Они боялись, что полиция докопается до истины, и потому не жалели денег, лишь бы заставить семью потерпевшего замолчать?

Хэ Чжэн согласно кивнул:

— И правда. Миллион — сумма немаленькая. Если делить поровну, каждой семье больше трёхсот тысяч выкладывать. У меня на счёте и тридцати тысяч нет...

Чжан Фэй спросила:

— Так что, берём дело?

Линь Цзайчуань не ответил сразу. Только просмотрев все материалы, он поднял голову и спросил:

— Почему нет протокола показаний девушки по имени Лю Цзин?

Чжан Фэй объяснила:

— А, она в больнице. Говорят, у этой Лю Цзин и раньше здоровье было слабое, а тут из-за случившегося она сильно перепугалась, потеряла сознание и попала в больницу. До сих пор не

выписали.

— Из-за нестабильного психического состояния районное отделение до сих пор не смогло получить от неё показания.

Хэ Чжэн озадаченно сказал:

— Из-за этого — в больницу? Она же, кажется, к самому делу напрямую не имеет отношения. Как она вообще до обморока дошла? Что она, современная Линь Дайюй?¹

Линь Цзайчуань равнодушно взглянул на него, и Хэ Чжэн тут же закрыл рот.

— Кто знает. Может, решила, что всё началось из-за неё, вот ей и тяжело на душе, — сказала Чжан Фэй.

Взгляд Линь Цзайчуаня опустился на экран компьютера.

На экране одиноко застыла фотография погибшего Чжан Минхуа. За тонким стеклом монитора он словно смотрел Линь Цзайчуаню прямо в глаза.

По материалам, переданным районным отделением, Чжан Минхуа в школе был типичным примерным учеником: хорошо учился, уважал учителей, держался тихо и сдержанно. Просто в обычные дни довольно близко общался с Лю Цзин, но в романтических отношениях они не состояли.

А теперь этот восемнадцатилетний парень был мёртв. Среди бела дня — и никто толком не понимал, как именно это случилось.

Линь Цзайчуань поднялся и сказал:

— Уведомите северное районное отделение: дело официально передаётся городскому управлению. Сегодня после обеда отдельно вызовите троих подозреваемых для дополнительного опроса.

— Поняли!

* * *

Перед обеденным перерывом Линь Цзайчуань сходил в соседний отдел кадров.

Сегодня там дежурила добродушная женщина средних лет. Увидев его, она весело спросила:

— Капитан Линь, какими судьбами? У вас сегодня нашлось время зайти?

Линь Цзайчуань сказал прямо:

— Хочу посмотреть личное дело Синь Су. Новичка, которого в этом году только приняли к нам в уголовный отдел.

Женщина на миг опешила, а потом вздохнула:

— ...Вы про Синь Су. Его оформлением как раз я занималась. Бедный ребёнок, если честно.

«Бедный».

Услышав это слово, Линь Цзайчуань едва заметно приподнял бровь и, подняв глаза, спросил:

— Почему вы так говорите?

Женщина открывала на компьютере личное дело Синь Су и одновременно рассказывала:

— Его родные родители рано умерли. Ребёнком он несколько лет один-одинёшенек прожил в приюте, без всякой опоры. Потом его взял приёмным сыном старший господин Чжан из винодельни «Болунь», и только тогда жизнь у него стала немного лучше.

...Оба родителя умерли?

Линь Цзайчуань знал, что Синь Су как-то связан с корпорацией Чжан, но не ожидал, что тот окажется приёмным сыном Чжан Тунцзи.

А родные родители давно ушли из жизни.

У Линь Цзайчуаня внутри что-то тяжело осело.

— Как умерли родители Синь Су?

Женщина сказала:

— В графе причины смерти указано: пожар. Если считать по времени, Синь Су тогда как раз пошёл в начальную школу. Его родители погибли в домашнем пожаре, оба сразу. Его принял местный приют, и там он оставался почти до окончания средней школы, пока нынешний отец, Чжан Тунцзи, не усыновил его.

Личное дело Синь Су оказалось почти неправдоподобно чистым: с начальной школы до старших классов он учился в самом Фусю, в год окончания университета без проблем устроился в полицию, а родственников, которые могли бы повлиять на кадровую проверку, у него почти совсем... не осталось.

Его вполне можно было назвать одиночкой — без семьи и близких.

Женщина посмотрела на светлое, чистое лицо на фотографии в деле, и в ней тут же проснулась материнская жалость. Она не удержалась и вздохнула:

— Ребёнок такой милый, красивый, говорит приятно. Неудивительно, что его взял приёмным сыном такой человек. Можно сказать, после всех страданий ему наконец досталась хорошая жизнь.

Короткие строки в личном деле — вот и вся жизнь Синь Су. На бумаге они почти ничего не весили, но в голове Линь Цзайчуаня осели свинцовой тяжестью.

Родители рано погибли, детство прошло в приюте. У него было такое одинокое, тяжёлое прошлое — и всё же он вырос человеком, который сейчас так ловко умеет ладить со всеми.

Женщина уловила его настроение и осторожно спросила:

— С этим ребёнком что-то не так? Почему вдруг понадобилось смотреть дело?

Линь Цзайчуань тихо сказал:

— ...Ничего. Спасибо.

Просто Синь Су с самого начала вызывал у него неприятное чувство, и Линь Цзайчуань решил посмотреть, каким тот был прежде.

Он не ожидал увидеть такое.

Женщина умела читать настроение и больше не расспрашивала. Только сказала:

— Капитан Линь, вы ведь ещё не обедали? Идите пораньше, а то потом ничего не останется.

В полдень столовая городского управления работала бесплатно, еду можно было взять и с собой. Синь Су сначала ещё питал слабую надежду на бесплатный служебный обед, но, увидев столы, лоснящиеся от масла, вернулся с пустыми руками.

А потом заказал в отеле комплексный обед, чтобы его доставили прямо к зданию уголовного отдела.

Когда Линь Цзайчуань вернулся из столовой, Синь Су как раз получил свою роскошную доставку: на столе стояло пять или шесть изящных коробок с едой.

Небольшой рабочий стол и правда был для Синь Су тесноват: длинные ноги некуда было деть, и ему оставалось лишь немного обиженно поджать их под себя.

Линь Цзайчуань молча смотрел на него и думал: он ведь мог вернуться и быть беззаботным молодым господином семьи Чжан. Зачем ему понадобилось лезть в эту мутную воду — в систему полиции?

Заметив его взгляд, Синь Су поднял глаза, улыбнулся, подцепил палочками золотистый креветочный шарик и совершенно без стеснения спросил:

— Капитан Линь, хотите попробовать?

Линь Цзайчуань не ответил и только спокойно спросил:

— Не привык к еде из столовой?

Синь Су протянул «угу» и честно признал свою избалованность:

— Бесплатных обедов ведь не бывает.

Линь Цзайчуань ничего не сказал, выдвинул стул, сел и молча занялся документами.

Синь Су неторопливо доел свой «небесплатный обед», убрал коробки и открыл стоявший рядом послеобеденный бабл-ти в стеклянном стакане. Он снял крышку, вставил трубочку, и вокруг тут же разлился густой чайный аромат.

Похоже, все эти годы о нём и правда хорошо заботились. В каждом его движении было что-то избалованное, холёное — привычка человека, которому давно ни в чём не отказывали. Уже невозможно было разглядеть тень ребёнка, когда-то одиноко жившего в приюте.

До начала рабочего времени оставалось ещё немного. Синь Су наелся, напился, заскучал, положил голову на стол и задремал.

Давно не слыша оттуда ни звука, Линь Цзайчуань поднял глаза от документов, присланных прокуратурой, и увидел: Синь Су уснул, положив щеку на руку. Длинные ресницы легли тенью

под глазами, губы слегка приоткрылись и едва заметно двигались в такт дыханию.

Сейчас в нём не было ни той мрачной холодности первой встречи, ни ловкой светской уверенности человека, который всё держит под контролем. Он казался обычным студентом, уставшим от занятий и ненадолго задремавшим в читальном зале.

В открытое окно задувал раннеосенний ветер. Рассыпавшиеся у лба длинные волосы чуть приподнимались. Кажется, Синь Су почувствовал щекотку: во сне он неосознанно почесал голову и что-то едва слышно пробормотал себе под нос.

Линь Цзайчуань посмотрел на тонкую рубашку на нём, слегка нахмурился, поднялся, подошёл и набросил ему на плечи полицейскую куртку, висевшую на спинке стула.

Только ближе к двум в кабинет вошёл Ша Пинчжэ и громко сказал:

— Капитан Линь! Подозреваемый по делу Чжан Минхуа прибыл.

Синь Су проснулся от его голоса. Сонно открыл глаза, увидел вокруг незнакомый кабинет и только тогда вспомнил, что он теперь всё-таки на работе, а рабочее время уже началось.

Он потёр подушечками пальцев покрасневшие от сна уголки глаз, выпрямился — и что-то соскользнуло с его плеча. Синь Су опустил голову и увидел за спиной тёмно-синюю полицейскую куртку, от которой исходил едва уловимый прохладный запах.

Синь Су легко приподнял бровь и, явно не собираясь возвращать одежду Линь Цзайчуаню, как ни в чём не бывало накинул её себе на плечи.

Линь Цзайчуань сказал:

— Отведите его в допросную. И позовите Чжан Фэй.

Первым вызвали Чэнь Чжилия — именно он организовал двух других подозреваемых, чтобы втроём избить Чжан Минхуа.

Хотя подозреваемый уже был совершеннолетним, пришёл он всё равно вместе с родителями. Семья, похоже, никак не ожидала такого поворота: их надежда замять всё деньгами не только провалилась, но дело ещё и передали городскому управлению. Родители Чэнь Чжилия явно запаниковали и даже не пытались это скрыть.

Сам Чэнь Чжилия тоже выглядел заметно плохо: глубокие тени под глазами, глаза сплошь в красных прожилках.

Линь Цзайчуань вместе с Чжан Фэй вошёл в допросную. Протоколист сверил данные Чэнь Чжилия и дал понять, что можно начинать.

Чэнь Чжилия сидел напротив, будто не в силах выпрямить спину, и весь сжался в комок.

Линь Цзайчуань не стал тратить слова и сразу спросил:

— По какой причине у вас произошёл конфликт с потерпевшим Чжан Минхуа?

Чэнь Чжилия взглянул на него, и взгляд у него заметно дрогнул от страха. Он опустил голову и пробормотал:

— Потому что... нам с ним обоим нравилась Лю Цзин. Чжан Минхуа в школе часто к ней приставал. Я много раз предупреждал его, чтобы он держался от Лю Цзин подальше, но он не слушал. Поэтому я и хотел... проучить его.

Это полностью совпадало с его прежними показаниями в районном отделении, без расхождений. Линь Цзайчуань снова спросил:

— Во сколько вы вывели Чжан Минхуа из комнаты?

Чэнь Чжилия ответил расплывчато:

— Точно не помню. Примерно около трёх дня.

Линь Цзайчуань спокойно сказал:

— Опиши, как именно произошла драка.

Горло Чэнь Чжилия едва заметно дёрнулось. Голос стал хриплым:

— ...Я уже рассказывал это дядям-полицейским.

Линь Цзайчуань холодно сказал:

— Расскажи ещё раз.

Чэнь Чжилия испуганно вздрогнул и машинально посмотрел на Линь Цзайчуаня.

Перед ним сидел оперативник с мягкими, красивыми чертами лица — не резкими, не острыми. Но именно это лицо, этот взгляд и короткий приказ давили так, что Чэнь Чжилинь едва мог дышать.

Чэнь Чжилинь совсем не решился спорить. Он сглотнул и медленно, нерешительно начал:

— Я... я ударил его кулаком по плечу, потом два раза пнул в живот. Только несколько раз, всё.

Линь Цзайчуань спросил:

— А двое других?

Чэнь Чжилинь заговорил сбивчиво:

— Тогда всё было как-то сумбурно. Чжан Минхуа тоже отбивался, я не видел, как именно они его били... А потом мы троём вернулись в комнату.

Линь Цзайчуань спросил:

— В каком состоянии был Чжан Минхуа, когда вы уходили?

На этот раз Чэнь Чжилинь молчал дольше — примерно полминуты — и только потом сказал:

— Он лежал на полу, держался за живот. Наверное, ему было больно после ударов, он всё не вставал.

Линь Цзайчуань смотрел ему прямо в глаза и уточнил:

— То есть, пока вы трое не ушли из туалета, Чжан Минхуа всё время лежал на полу и больше ничего не делал?

Чэнь Чжилинь усиленно закивал, будто боялся, что полиция ему не поверит. Голос стал немного торопливым:

— Да! Я тогда просто хотел преподать ему урок. Думал, пару раз ударю — и всё закончится. Я тоже не думал, что он потом...

По словам Чэнь Чжилиня, он всего лишь слегка побил Чжан Минхуа, сказал пару угроз и ушёл с места происшествия.

На первый взгляд, у Чэнь Чжилия действительно не было причины доводить дело до смерти. Чтобы проучить «соперника», угроз и побоев такого уровня уже было бы достаточно.

Линь Цзайчуань помолчал, затем снова и снова уточнил несколько деталей, связанных с делом, но Чэнь Чжилия каждый раз возвращался к прежней версии. Ничего нового сказать он так и не смог.

Прошло слишком много времени, доказательства из караоке-клуба не сохранились — остались только фотографии. Зацепок, которыми полиция могла воспользоваться, было слишком мало, и дальше давить было пока не на что.

Когда допрос уже подходил к концу, Линь Цзайчуань вдруг спросил:

— Ты знаешь, что Лю Цзин попала в больницу?

После почти часа напряжённого допроса Чэнь Чжилия уже немного отупел. Он бездумно смотрел на полицейского перед собой и только спустя долгое время растерянно произнёс:

— А...

Больше он ничего не сказал.

Линь Цзайчуань пристально смотрел ему в глаза, словно наблюдал за реакцией, а потом поднялся и вышел из допросной.

Коллеги из уголовного отдела слушали весь допрос в комнате наблюдения. Увидев, что Линь Цзайчуань вошёл, они позвали:

— Капитан Линь.

Синь Су лениво привалился к стене.

Линь Цзайчуань посмотрел на полицейскую куртку, накинутую на его плечи, слегка нахмурился, но ничего не сказал.

Он одной рукой оперся о стол, обвёл всех взглядом и спросил низким голосом:

— Какие мысли?

Ша Пинчжэ сказал:

— Почти то же самое, что он говорил раньше. Думаю, всё равно надо опросить окружение: выяснить, что этот Чэнь Чжилин за человек, есть ли у него психологические проблемы или склонность к преступлению.

Чжан Фэй почесала подбородок:

— Пока не видно мотива для умышленного убийства. У Чэнь Чжилина нет причины убивать Чжан Минхуа. Максимум — ревность и соперничество между старшеклассниками.

Хэ Чжэн честно признался:

— Одно скажу: я вообще не вижу, чтобы ему нравилась эта Лю Цзин.

В конце Линь Цзайчуань намеренно проверил его — и, услышав, что девушка, которая ему нравилась, попала в больницу, Чэнь Чжилин всего лишь сказал: «А».

Хэ Чжэн с заметным удивлением сказал:

— И где тот парень, который якобы был готов рвать и метать ради красавицы? Он же вроде из-за Лю Цзин полез драться? Почему сегодня выглядит так, будто ему до этой Лю Цзин вообще дела нет?

Другой оперативник сказал:

— Может, его просто втянуло в дело о смерти человека, и ему теперь не до романтики? В допросной он трясся от страха, на очень смелого не похож.

Линь Цзайчуань немного подумал и повернулся к Ша Пинчжэ:

— Лао Ша, возьми кого-нибудь и опроси родственников, соседей, учителей и одноклассников троих участников. Посмотрите, как их оценивают со стороны.

Ша Пинчжэ кивнул и вышел вместе с одним коллегой.

Линь Цзайчуань снова спросил:

— Когда придут двое остальных подозреваемых?

Чжан Фэй ответила:

— Только что звонили, сказали, что уже в пути. Минут через три-пять будут.

Линь Цзайчуань коротко отозвался и вышел, готовясь к следующему допросу. Но не успел сделать и пары шагов, как услышал за спиной шаги. Он обернулся — и увидел Синь Су.

Этот человек даже одежду нормально носить не умел: полицейская куртка так и висела у него на плечах, свободно и небрежно, и было непонятно, холодно ему всё-таки или нет.

Линь Цзайчуань взглянул на него:

— Что-то нужно?

Синь Су в два шага догнал его, подтянул на плечах куртку и, едва скрывая довольство, неторопливо сказал:

— Капитан Линь, я хочу навестить в больнице ту девушку, Лю Цзин.

¹ Линь Дайюй — героиня классического романа «Сон в красном тереме», известная болезненностью, хрупкостью и чувствительностью.

<http://bllate.org/book/17934/1724242>